

В. Л. Сязи

Образы животных в прозе Е. Д. Айпина

Аннотация. Предметом исследования являются образы животных в прозе Е. Д. Айпина. Цель работы – рассмотреть функцию образов животных на материале произведений хантыйского прозаика Е. Д. Айпина. Реализация данной темы предполагает решение ряда задач: 1) рассмотреть приемы реализации образов животных в прозе Е. Д. Айпина; 2) определить функцию образов животных. Актуальность исследования определяется тем, что образы животных в прозе Е. Д. Айпина не становились объектом отдельного исследования в обско-угорской литературе. В произведениях Е. Д. Айпина образы животных имеют бинарное воплощение, а конкретно: 1) зооморфные образы; 2) анималистическая традиция. Встречаются в произведениях писателя неоднократные сравнения героев с определенными животными, причем автор подчеркивает не столько физическое сходство, а характер и поведение животного. Интересно и то, что животные в текстах Айпина ведут себя подобно разумному человеку. Волчица в романе «Божья Мать в кровавых снегах» способна плакать, медведица, случайно задавившая своих малышей, заревела. Животные в изображении хантыйского прозаика оказываются способными сострадать, плакать, спасать человеческую жизнь, нежели Красная нелюдь.

На основе проанализированного материала автор статьи приходит к выводу о том, что образы животных в творчестве автора имеют особое значение, животные выступают не просто второстепенными героями, они служат средством создания образа героя, его глубинного понимания. Анималистическая традиция, реализованная прозаиком, позволяет утверждать мысль о неразрывных взаимоотношениях человека-ханты и животных. Неразрывность существования человека и животного, обожествление флоры и фауны рождены мифологическим мировоззрением, реализованным на страницах произведений хантыйского прозаика. Зооморфные образы и анималистические традиции, встречающиеся в произведениях Е. Д. Айпина, свидетельствуют о глубокой неразрывной связи современности с древними традициями и верованиями, воплощенными в художественном слове.

Ключевые слова: образы животных, зооморфные образы, анималистическая традиция, мировоззрение народа, проза, Е. Д. Айпин.

V. L. Syazi

Images of animals in prose of E. D. Aipin

Abstract. The subject of the study is an animal imagery in prose of E. D. Aipin. The purpose of the work is to examine the function of an animal imagery in the works of Khanty writer E. D. Aipin. The implementation of this theme involves a number of tasks: 1) to consider the methods of implementation of animal imagery in the prose of E. D. Aipin; 2) to determine the function of an animal imagery. The relevance of the study is determined by the fact that the images of animals in prose of E. D. Aipin have not been the subjects of a special study in the Ob-Ugric literature.

In the works of E. D. Aipin the images of animals have a binary embodiment, more particularly: 1) zoomorphic images; 2) animalistic tradition. Repeated comparisons of the characters with certain animals are found in the works of the writer, and the author emphasizes not only a physical resemblance, but the character and behavior of the animal. It is also interesting that animals in the texts of Aipin behave like a sane person. The she-wolf in the novel "The Mother of God in the Bloody Snows" is able to cry; the she-bear accidentally flattened her little bears roared. The animals in description of the Khanty writer, they are able to be compassionate, to cry, and to save a human life than the Red inhuman.

On the basis of the analyzed material the author of the article comes to the conclusion that the images of animals in the works of the author have a particular importance; the animals are not only

minor characters, they are also the means of creating the hero's image, his profound understanding. Animalistic tradition realized by the writer suggests the idea about inseparable relations between Khanty people and animals. The inseparability of human's and animal's existence, the deification of flora and fauna were born by the mythological worldview implemented on the pages of the Khanty writer. Zoomorphic images and animalistic traditions found in the works of books E.D. Aipin indicate deep inseparable connection of modernity with ancient traditions and beliefs embodied in the artistic word.

Key words: animal imagery, zoomorphic images, animalistic tradition, people world-view, prose, E. D. Aipin.

Еремей Данилович Айпин – один из ведущих хантыйских прозаиков, его творчество известно не только в России, но и за рубежом. Войдя в национальную литературу ханты в 1979 году произведением «В тени старого кедра», он до сих пор остается тем автором, который определяет путь ее развития. Современному читателю хорошо знакомы его книги «В тени старого кедра», «В ожидании первого снега», «Клятвопреступник», «У гаснущего очага», «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Мать в кровавых снегах», «Река-в-январе». 2014 год был ознаменован выходом в свет собрания сочинений автора в четырех томах. Е. Д. Айпин начинал свой творческий путь на хантыйском языке, но позже ему пришлось переводить свои произведения на русский язык, и по сей день его творчество представлено на русском языке. Произведения хантыйского прозаика широко известны за пределами России, большинство произведений автора переведены на многие языки европейских стран.

Интерес к творчеству Е. Д. Айпина продолжает увеличиваться с каждым годом, привлекая исследователей своей самобытностью и искренностью повествования. Исследователи, публицисты и критики осветили многие аспекты творчества прозаика. Анималистические традиции в прозе Е. Д. Айпина рассмотрела Е. В. Косинцева [1], о произведениях, в которых встречается образ животного, писали Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова [2]. Отдельного исследования, посвященного образам животных в прозе Е. Д. Айпина, не было опубликовано.

Образы животных в прозе Е. Д. Айпина формируют зооморфный код его творчества и раскрывают развитие анималистических традиций. «Зооморфные образы – это сравнение персонажа с животными. Дан-

ный прием традиционен в мировой, древнерусской и античной литературе. Такие сравнения возникают в результате творческого осмысления мира, они формируются на основе общечеловеческих или национальных представлений о животных. Некоторые ученые считают, что разным народам известны в основном одни и те же наборы названий животных, выполняющих характеристическую функцию. И ассоциации людей с животными являются практически универсальными для всех языков» [3].

Анималистический жанр в большом толковом словаре С. А. Кузнецова трактуется как «изображение животных <...>. Этот жанр сочетает в себе естественноточное и художественное начала. Здесь важны наблюдательность и точность, чтобы верно передать облик и повадки животного» [4]. Вместе с тем, опираясь на словарно-энциклопедическое понимание анималистического жанра, можно увидеть жанровые признаки анималистической прозы в рассказах Е. Д. Айпина «Медвежье горе», «Бездомная собака», в романе «Божья Мать в кровавых снегах».

Е. Д. Айпин вырос в традиционной хантыйской семье, писатель впитал с детства мировоззрение народа и ярко отразил его на страницах своих произведений. Его зооморфные образы дают читателю подсказки для более глубокого понимания поведения персонажей, акцентируют внимание на мифологическом мировоззрении народа. Созданные образы подчеркивают характерные черты внешности, физические, интеллектуальные или нравственные качества персонажей, позволяют понять особенности их поведения или их эмоциональное состояние. Сравнения эти возникают в результате творческого осмысления мира,

они формируются на основе традиционных представлений о животных.

В произведениях Е. Д. Айпина встречаются зооморфные образы – сравнения человека с животным, но присутствует и обратное сравнение, животное сравнивается с человеком. Этот прием характерен для анималистической традиции.

Наиболее часто автор обращается к образу животных: медведь/медведица, собака, волк/волчица. Зооморфные образы реализованы автором в таких жанрах, как быль, рассказ, повесть и роман.

Медведь глубоко почитаемое животное в мировоззрении хантыйского народа. Образ медведя воплощен прозаиком в рассказе «Медвежье горе» и в фольклорном жанре – были «Паки, или Медведь-брат». Айпин не единственный автор, обращающийся к образу медведя в хантыйской литературе. Образ медведя также нашел свое отражение в произведениях Г. Лазарева «Медведица-рыбачка», «Четырехлапый верхолаз», Р. П. Ругина «Три шкуры», «По следу».

Е. Д. Айпин знакомит читателей с образом медведя, поясняет его родство с человеком в были «Паки, или Медведь-брат». Быль опубликована в детской книге «Клюквинка и травяная косичка» – одной из книг серии «Сказки моего детства». Это серия фольклорных жанров, специально создавалась им для юных читателей, чтобы поделиться знаниями из своего детства. Столь же гармонично и умело фольклорные жанры вписаны прозаиком в контекст рассказов, повестей и романов.

Быль «Паки, или Медведь-брат» повествует о дружбе Охотника и Медвежонка Паки. Охотник подобрал в лесу осиротевшего Медвежонка, привел его в свой дом. Хозяева ни в чем Медвежонка не обделяли. Когда Паки стал большим, отвел его Охотник в лес и привязал кусок березовой коры к левой лапе Медведя. Через несколько лет встретил Охотник своего Медведя-брата в лесу, поправил кусок коры-метки, напоил, накормил друга и спать они легли вместе. Разбудил Охотника рев огромного Зверя, который мчался к становой. Медведь-брат схватился со Зверем, Охотник помог Паки, пуская стрелы в Зверя-пришельца. Медведь

спас человека от верной гибели. После поединка Охотник смазал раны Медведю-брату. Накормил, поцеловал – обнял на прощанье. Так расстался Охотник со своим Младшим братом, спасшим жизнь человеку. Символически Медведь-брат «вернул долг» Охотнику.

Двойное название были «ПАКИ, или МЕДВЕДЬ-БРАТ» указывает на почтительное отношение к животному – хозяину леса, а вместе с ним и ко всем обитателям фауны. В тексте были автор использует синонимичный ряд, именуя Медведя: Медвежонок, Паки, Медведь-сирота, Медведь-брат, Младшенький брат, друг, Младшенький, Медведь. При этом автор акцентирует внимание читателя на именовании медведя написанием с заглавной буквы, указывая на уважительное и благоговейное отношение народа к этому животному, ассоциируя медведя с младшим братом человека. В были автор отразил дружеские отношения между человеком и животным, наполненные любовью, взаимовыручкой, пониманием, благодарностью животного к человеку. Прозаик изобразил медведя, выросшего с человеком, понимающим речь человека, благодарным за доброе отношение. Медведь защищает Охотника, подвергая опасности свою жизнь. Однако, по словам деда Ефрема, старого медвежатника из рассказа Айпина «Медвежье горе», «медведь, как и человек, бывает разный...» [5, 7]. «Шатун – это не обычный лесной зверь, – начинает наконец дед Ефрем. – Это проклятый самим богом медведь. Оленя ест. Огня не боится. Человека может кончить, потому как бог не помнит его – вот он и грешит...» [4, 7]. Слова деда Ефрема позволяют полагать, что каждое животное обладает индивидуальным характером и нравом, подобно человеку.

Медведица, изображенная в рассказе «Медвежье горе», ярко раскрывает чувства матери, потерявшей любимых детей. Главной героиней рассказа стала медведица с двумя медвежатами. Медведица-мать караулила добычу – оленей, медвежата шли следом, под лапкой медвежонка треснул сучок. Мать вернулась, подняла конец замшелого дерева и сунула малышей под него. Поймав добычу, медведица вернулась

к малышам, а медвежата уже не шевелятся. «С небольшим шумком, похожим на бормотание, и на мольбу, она давай их тормозить и обнюхивать. Движения все быстрые, шум – все громче. Она неприкаянная туда-сюда, влево-вправо, вперед-назад. Что-то неладное случилось. Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица – мать заревела на весь лес:

– Бу-ху-ху-ууу!

Какой это был рев!

Деревья, показалось мне, и то заплакали» [5, 8]. События рассказа имеют глубокий подтекст. Автор сумел от частного факта обобщить трагедию этноса. Трагедия медведицы – матери, изображенная автором символизирует трагедию хантыйского народа. Потеря медведицей-матерью потомства, символизирует угасание хантыйского народа. Образ Матери наполнен трагизмом и безысходностью, горе медведицы сравни горю человеческому, не случайно прозаик использовал следующие характерные глаголы, ярко описывающие чувства животного: «Она **застонала**, вернее, **зарыдала**, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске» [5, 8] (*выделено мною – В. С.*). Аналогично медведице-матери сам Айпин пытается реанимировать народ, отстаивать права своих земляков. Но в душе прозаик понимает, что будущего у молодого поколения хантов не будет. Трагедия в душе писателя вылилась в воплощение народа в образе медведицы – тотемного животного аганских хантов. Рассказ «Медвежье горе» написан автором в 1972 году, во время усиленного промышленного освоения северных земель. В это время многие семьи хантов потеряли родовые угодья, площадь пастбищ оленей резко сократилась. Народ был вынужден перебираться в поселок, и вести жалкое существование в замкнутом пространстве. Традиционные промыслы в поселке не были востребованы, народ находился в затрудненном положении. Обычаи и традиции умирали вместе с их носителями. Судьба будущего поколения была предначертана, отсюда и яркое сопоставление с беспомощными медвежатами. Через трагедию медведицы-матери автор показывал трагедию «угасающего этноса».

Обратившись к образу медведя, автор подтверждает слова своего героя Ефрема, сравнив медведя с человеком. Автор изобразил три разных образа медведя, воплотивших три различных чувства, свойственных человеку: взаимопонимание, злобу, горечь утраты. Любовь и заботу человека выбрал в себя медвежонок в были «Паки, или Медведь-брат» и отвечает ему тем же. В рассказе «Медвежье горе» писатель изобразил два полярных образа медведя – злобного шатуна и мать-медведицу. Образ шатуна воплощает в себе злобу, коварство и вседозволенность. Образ матери-медведицы, наполнен трепетными чувствами к своему потомству. Любовь и забота о малышах-медвежатах, чувство вины и горечь утраты за гибель потомства подталкивают мать к осознанной смерти.

Двойное сравнение человека с медведем встречается в романе прозаика «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Главный герой романа – Демьян, представитель рода Медведя, одновременно его родственниками являются представители из рода Лося и Бобра. Это обусловлено проживанием всех трех родов в бассейне одной реки и экзогамным принципом. Все три рода взаимосвязаны, из-за подобной всеобщей родственной связи в философии Демьяна рождается вера в родство между всеми людьми на земле. Герой свято верит не только в родство животных и людей, вера героя распространяется в его сознании не только в пределах одного этноса, но и выходит на межэтнический уровень, на всех людей, проживающих на земле. Вест о начальнике разведывательной экспедиции с фамилией Медведев вселяет в Демьяна надежду на доброе сосуществование искателей и семьи одного из главных героев произведения. «Бывало, спросишь у приезжего, а он и слыхом не слыхивал про свой род. И про своих близких-то родственников ничего не может сказать. Может быть, он из рода Медведя – самый ближайший родственник Демьяна, а об этом не знает. Как вот начальник искателей Медведев, к которому он заедет на обратном пути» [6, 29–30]. Демьян верил, человек с фамилией Медведев самый могущественный, сильным и почитаемым

животным в мировоззрении ханты, не может быть плохим.

Еще один образ животного, который обращает на себя внимание в прозе Е. Д. Айпина, – это собака. Сопоставление народа с образом животного вновь встречается в рассказе прозаика «Бездомная Собака». «Написанный в 1979 году, рассказ был впервые опубликован в альманахе «На Севере Дальнем» в 1983 году. Позже он получает название «Бездомная собака» при публикации его в сборнике «Клятвопреступник» [2, 24]. Персонажами рассказа являются два брата Малый Михаил и Микуль, которые едут на оленях в сторону дома и решают остановиться переночевать у родственника Демьяна. В поселке к упряжке героев привязалась бездомная собака, Микуль прогнал животное. По дороге путники остановились на чай у родственницы Матрёны. Из рассказа женщины братья узнали о непростой жизни Демьяна: машинная дорога возле дома Демьяна, вынудила покинуть Зимнее, а затем и Летнее Селение, собаки гоняли его оленей, а возле грунтовой дороги машина подстрелила его важенку-вожака. Собираясь в путь, братья увидели вновь бездомную собаку. Матрена предположила, что Демьян зол на бродячих собак и предложила Микулью и Малому Михаилу забрать бродячую собаку с собой в становье Демьяна. Добравшись до становья Демьяна, Микуль и Михаил обнаружили вместо нового дома выдавшую виды, заплатанную палатку. Сам Демьян о своем положении рассуждает: «Но где строить – места нет! <...> Кто знает, что нас ждет завтра на этом месте? – спросил Демьян. – В прошлом году выбрал место для нового дома, не успел за топор взяться – там буровую поставили. Разве с таким соседом проживешь?.. И тут может вздумают дорогу проложить. Или, еще хуже лесорубов каких-нибудь пустят. Кто знает, что у них в голове?..» [5, 106]. О новом жилье Демьян заключает с горечью: «Зато легче бегать: снял – поставил, опять переехал. Не вырастешь в землю, не надо каждый раз с кровью выдирать из сердца, – и Демьян обвел взглядом свое жилье, словно уже пора сниматься с этого места. – Вот и Летнее Селение покинул...» [5, 107]. В уста героя автор

вложил основную мысль рассказа, охарактеризовавшего себя *бездомным*, подобно собаке. Образ собаки параллелен образу главного героя, через судьбу главного героя автор сумел показать трагедию народа. В образе бездомного Демьяна, прозаик вновь обратился к созданию образа своего народа, отразил боль и горечь утраты этноса. Писатель представил Демьяна сильным духом, способным преодолеть лишения и невзгоды. Двое детей и престарелая мать не дают герою упасть духом. Демьян – единственный добытчик и опора семьи. Живет семья героя впроголодь: «Вчера неводить ездил со слепым соседом, дедом Никитой – одного окуня поймали...» [5, 105]. Несмотря на трех собак, которые жили в становье Демьяна, мужчина не отказывает в приюте и обездоленной собаке. Не смотря на плачевное и убогое положение, мужчина не теряет человеческого лица, нравственных качеств: сострадание к бездомной, невинной собаке одержало вверх. Мужчина осматривает собаку и произносит слова: «Греха на ней нет, оленей она не гоняла – как безвинную порешишь?.. Пусть живет. Бездомная...» [5, 107]. Испытав лишения крова, в который вращался корнями, Демьян разделяет судьбу бездомной собаки, становится близка и понятна. Герою трагедия животного чувства милосердия к животному оказывается сильнее жестокости и несправедливости.

Образ собаки в прозе писателя фигурирует довольно часто, это связано с кочевым образом жизни героев. Собака в произведениях выступает верным другом и спасителем. В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» главная героиня – Матерь Детей – всеми силами пытается сохранить дыхание единственного грудного ребенка – Саввы. Отряд Красных разрушил становье семьи Веры Саввичны, ее мужа и старшего сына убили. Нарты изрубили, убили собаку Кунчи, забрали все ружья и увели оленей, главарь красных выстрелил в икону Божьей Матери. Вскоре героиня с детьми: Анной, Романом, Марией и грудным Саввой отправились в дальний и суровый путь, никто не мог предположить, чем обернется для Веры Саввичны эта дорога. Путь женщины к спасению становится дорогой смерти, не-

большой аэроплан уносит жизни ее дорогих детей. Лишь дыхание младенца Саввы поддерживает дух Матери и заставляет ее двигаться вперед. Настоящей опорой Матери Детей, изможденной потерями детей и мужа, становится пес Пойтек. Пес помогает Матери осилить путь к спасению, он приносит добычу – куропатку. Главным предназначением Пойтека становится спасение Маленького Хозяина Саввы. Мать Детей закрепляет люльку на волокуше и доверяет судьбу единственного ребёнка Пойтеку. Именно Пойтеку Мать Детей доверяет жизнь своего сына Саввы, как когда-то лайка Соснэ – мать щенка Пойтека – доверила женщине жизнь своего малыша. Вера Саввична спасла щенка от неминуемой гибели в крепкие морозы, забрав его в теплый дом. Щенок родился в сильные морозы, в помете было пять щенков. И все они замерзли, кроме одного. В один из холодных вечеров, выйдя на улицу, женщина наблюдала белого щенка, ползущего к человеческому дому. Пойтек, так позднее называли щенка, визжа, полз по тропинке в сторону дома. Женщина не могла понять: инстинкт самосохранения толкнул неразумного щенка двигаться к теплу или это мать-Соснэ подтолкнула его на путь спасения. Выросший щенок стал хорошим оленегонным псом. Пойтек спасает Савву, привозит его к становой людям, а затем снова пускается в путь за хозяйкой. Пойтек выступил единственным спасителем ребенка и Матери Детей в суровых условиях, созданных Кровавым Глазом. Верный пес спасает две жизни, в отличие от красных, убивших десятки и сотни невинных людей.

Верность пса обусловлена родословной Пойтека. Пойтек привозит Савву в становой людей, а затем возвращается к хозяйке с последовавшими за ним жителями становья. Мать Детей, ожидая возвращения Пойтека, нисколько не сомневалась в его возвращении. Физические силы женщины на исходе, голод, холод подрывают ее здоровье, при этом сознание Матери начинает блуждать между Земным и Нижним миром. Возвращаясь то в настоящее, то погружаясь в прошлое, Мать Детей вспоминает предка Пойтека. «Дедушка Детей погиб в разгар войны между белыми и красными. <...>

Поскольку это произошло недалеко от селения, тело его привезли домой и похоронили на родовом кладбище. Родичи оплакали его, исполнив все обряды по погибшему. Только его собака не могла успокоиться: перестала есть и все выла и выла. Когда она измучила всех своим воем, ее отвязали и отпустили. Она убежала на кладбище, легла рядом с верхней домовиной-надгробием хозяина и там околела. Вот из этого рода и был старик Пойтек. Поэтому он не бросит хозяйку, не оставит ее одну, обязательно вернется» [6, 242].

Животные и представители Кровавого Глаза противопоставлены в романе. Трагичность повествования романа усиливает восприятие чувств и самоотдачу животных, способных плакать и помогать человеку. Отряд предводителя красных – Чухновского пытается, ворует, издевается, уничтожает одежду, нарты, съестные припасы и, главное, лишает жизни человека. Животные в произведениях способны спасать жизнь, сочувствовать, предсказывать будущее.

Анализируя творчество Е. Д. Айпина, стоит обратить внимание на гендерное отличие при создании образа животного. Животное в женском облике проявляет наиболее яркие эмоции, обладает чувствами, подобными человеку, что позволяет говорить об анималистических традициях в творчестве Е. Д. Айпина. В части произведений хантыйского прозаика медведь – является главным героем, рассказ «Медвежье горе» и быль «Паки, или Медведь-брат», при этом автор создает образ животного, очеловечивая его. Наибольшим олицетворением автор наделяет животных – матерей, трагедия, связанная с потерей детей (медведица в рассказе «Медвежье горе», волчица в романе «Божья Мать в кровавых снегах»), раскрывает сущность материнского начала, объединяющего человека и животное.

Трагедия Матерей отражена в романе «Божья Мать в кровавых снегах». Образ волчицы пронизан страданием и трагизмом: «И волчица-мать заплакала. Пособаچی села на снег, задрала голову к небу и заплакала-завыла. <...> Так она оплакивала своих детенышей. Так она жаловалась Верховному на свою потерю, на свою судьбу» [7, 264]. Чувства матери-волчицы со-

поставимы с эмоциями Матери Детей. Автор именует обеих Матерями, объединяя образную трагедийность. Судьба семьи Матери-Волчицы характеризует исполнителей Советской власти как безжалостную машину, в жернова которой случайно попала семья волков. «...В тот день аэроплану-лазутчику не повезло: не сбросил ни одного камня, никого не убил, не напугал до смерти. И поэтому летун очень обрадовался, когда увидел на поляне волчью семью» [7, 195]. Семья волчицы: двое детенышей и волк-отец с сыном лишились жизни. Хищники направлялись на север подальше от этих сытных кровавых снегов. Животные чувствовали, что за таким сытным пиром таится смертельная опасность. Огненные камни, сброшенные аэропланом, разделили волчицу с её семьей. Волчица осталась в Среднем мире, а ее детеныши и волк-отец отправились в Нижний мир. После взрывов оказалось, что и волчица ранена. Задняя часть туловища онемела, волчица ползла к человеку с оружием в руках: с топором, с копьем, ножом или ружьем, вероятно, для того, чтобы расстаться с жизнью и вновь соединиться со своей семьей. Аналогична и судьба Матери Детей – Веры Саввичны. Мать Детей, после страшных трагедий, отсутствия пропитания обнаруживает, что ее ноги обморожены. «Из дорожной мужской игольницы она вытащила самую толстую иголку и толстую нитку. Нитку со всех сторон, вода по бокам закопченной кружки-чайника, покрыла сажей. Иглу тоже смазала сажей. Потом, стиснув зубы, без единого оха и вздоха прошла большими стежками левую обмороженную пятку. После, сменив нитку на новую, со свежей сажей, то же проделала и с правой пяткой. По нитяным отверстиям стала сочиться кроваво-гнойная жидкость» [7, 206]. Мать Детей продолжает двигаться вперед, но уже на коленях. Волчица, аналогично Матери Детей, двигается ползком. Животное и человек на одной тропе, волчица и Мать Детей, обе матери, трагедия объединяет обеих, заставляет проникнуться состраданием. В неравной войне волчица и Мать Детей теряют сначала кров, затем семью, дорога к спасению становится дорогой лишений и страданий, омытая слезами не

только Матери Детей, но и волчицы. Автор создал не только одинаково трагические судьбы, но и соединил животное и человека в их трагедии. На данном пути Мать Детей не потеряла человеческого лица, не убила волчицу.

Мать Детей, подобно иконе Божьей Матери, в конце романа принимает пулю отряда красных. Смерть для Веры Саввичны становится долгожданной встречей с близкими, спасением от тяжкого груза потери и ненависти. Волчица искала смерти от руки человека, но вместо этого нашла сострадание и утешение. Женщина не позволила псу Пойтеку трогать Ползущую, так именует Мать Детей волчицу. Она сочувствует изможденному животному и оставляет Ползущей косточки от крылышка куропатки, которую добыл верный пес Пойтек, и две полоски шкуры. Испытывая чувство сострадания к немощному животному, Мать Детей произносит: «Пойтек не трогай её, у неё дела намного хуже, чем у нас!» [7, 269]. Женщина осознает, что, в отличие от волчицы, у неё есть сын.

Образ волка, реализованный автором в рассказе «Волки», совершенно противоположен образу волчицы. Рассказ относится к раннему творчеству писателя, написан в 1973 году. Произведение повествует о молодом охотнике, преследуемом стаей из семи матерых волков: «...стая из семи (волков – *Сязи В.*) ни пред чем не останавливается. Не боится человека с луком. Не боится огня. Говорили, что такая стая может войти в дом с горящим очагом. Это самое яростное и остервенелое сборище, которому все нипочем» [5, 19]. Стая волков, воплощенная в рассказе, подобна медведю-шатуну, о котором рассказал дед Ефрем в рассказе «Медвежье горе».

Охотник лезет на кедр, царапая лицо и руки, спасаясь от зверей. «Ситуация значительно осложняется тем, что волки разрывают собаку-лайку, пугнуть зверя нечем (кончились патроны), да к тому же молодой охотник теряет во время бега винтовку. И огня не разведешь – спички забыл захватить. Уже достаточно близко зимовье, но героя со всех сторон окружают волки. Зеленые огоньки светятся впереди, справа, слева» [5, 18]. Сидя на верхушке дерева,

молодой охотник размышляет, как волки забрели в тайгу, живя в лесотундре, что заставило животных покинуть привычные места. Размышляя, герой вспоминает о большой стройке на севере и начавшейся добыче недр, вынудившей волков покинуть тундру. Чтобы не упасть с дерева, охотник привязал себя ремнем к дереву, и задремал. Образ дерева, спасающего героя, весьма символичен. Дерево в мировоззрении народа, пребывает одновременно в трех мирах – нижнем, среднем и верхнем, при этом дерево является связующим началом трех миров. Корни дерева – пребывают в нижнем мире, ствол и крона в среднем мире, верхушка – в верхнем мире. Герой пребывает на верхушке дерева и находится в верхнем мире – мире божеств. Не случайно автор обращается здесь к мотиву сна, отражая пограничное пространство героя, блуждающего между мирами. Сон героя фантастический, наполнен завуалированным смыслом. На деревьях сидят: мать и младшие сестренки, неподалеку отец главного героя, Иван Михайлович – управляющий Ёганским охотхозяйством, учительница – Александра Петровна, невеста охотника – Анастасия. Каждый герой, сидящий на дереве, представляет определенный социальный слой деревенских жителей и выражает свое отношение к окружившей дерево стае волков.

Первыми сидящими на дереве изображены мать охотника с младшими сестренками. Волки под деревом разрывают игрушки и книжки девочек, автор вводит яркое наречие, характеризуя действия животных: «Под деревом волки **остервенело** рвут их игрушки и буквари» [5, 19] (*выделено мною – В. С.*). Девочки рядом с матерью олицетворяют судьбу хантыйского народа. Девочки – это продолжение хантыйского народа, которое находится рядом со старшим поколением, но лишенное будущего, уничтоженного волками.

Следующим предстает перед читателем отец главного героя, сидящий на другой сосне. Автор характеризует мужчину яркими эпитетами «**Печальный и невозмутимый** – похоже, ничего уже не удивляет его...» [5, 20] (*выделено мною – В. С.*). Волки, представляющие смертельную опас-

ность в данной ситуации, не вызывают ужаса и страха в сердце мужчины. Хищники для мужчины являются всего лишь малой неприятной частичкой последствий разведки недр. Это обусловлено частыми бедами, возникшими в неравной борьбе между жителями деревни и разведчиками недр.

Физическая характеристика и поведение управляющего Ёганским охотхозяйством – Ивана Михайловича ярко отражает сущность начальника. Плотный и тучный управляющий, сидит на тонкой березке и причитает, что его первого съедят волки. Образ Ивана Михайловича, сидящего на женском священном дереве ханты – березе, подчеркивает низменную сущность начальника. Лишь одному управляющему голодное сидение на дереве пошло на пользу, березка разогнулась позже под телом Ивана Михайловича. Взятничество, жадность и богатство чиновника отражено устами самого управляющего: «У-у, проклятые! – рычит вниз Иван Михайлович. – И швырнуть им, чтоб убрались, нечего!»; «Им тоже есть хочется...»; «Будь дома, я б им что-нибудь швырнул, – принялся рассуждать Иван Михайлович. – Баба у меня запасливая, нашла бы какое кусичище. Мясо или рыбу... Может, и шкурку нашла бы. Все отдадим – только б убрались к черту, проклятушие!...» [5, 20]. Образ управляющего пронизан мыслями о еде.

Представителем старшего поколения становится Дед, его образ олицетворяет чаяния всех стариков, которые боятся умирать, из-за отсутствия земли и варварских действия искателей. Одну и ту же мысль выражают Дед, герой рассказа «Волки», и мать – старушка в рассказе «Бездомная собака»: «...на старости лет даже спокойно умереть не дадут» [4, 20]; «помереть землю не дадут...» [4, 20]. В рассказе убежденный сединой Дед жалуется на свое положение, в преклонном возрасте старик вынужден сидеть на дереве, спасаясь от волков.

Образ школьного приятеля Микуля – Митрия Казамкина, трансформировался во сне героя. Митрий – единственный, кто хотел помочь Микулю, подъехав к нему на буровой, сминая все на своем пути. Увидев разрушительное влияние, Микуль ужаснул-

ся, закричав при этом: «Нет-нет, пусть лучше волки съедят!» [5, 22]. После чего Митрий исчезает, но вместо него появился волкоподобный управляющий ужасной вышкой. Со всех сторон к охотнику приближались чудовища и в каждом просматривалось подобие волка. Трансформация образа волка в волкоподобных, усиливает безысходность и замкнутость надвигающейся беды. Образ волкоподобных символизирует хищную цивилизацию. Кольцо разведывательных экспедиций смыкается вокруг героев, сокращая и ограничивая жизненное пространство. Инструментом волкоподобных становится буровая, которая оставляет после себя лишь перекореженную землю, ради цельности которой готов пожертвовать жизнью Микуль.

Кульминацией рассказа становится, видение героя о том, как он «пошел на стаю». Грань между явью и сном стерта. Этот факт усиливает мистическое восприятие произведения. Автор оставил финал рассказа открытым для размышлений.

Обратившись к образу волка в данном рассказе, Е.Д. Айпин показал их художественную функцию: с одной стороны, волки стали жертвой начавшейся на севере стройки, они являются звеном в цепи пострадавших от разведки недр; с другой стороны, волки предстают метафорическим воплощением, наступающей цивилизации, которая влечет за собой сокращение жизненного пространства жизнедеятельности человека. Образ волков символизирует надвигающуюся опасность для Микуля, его семьи, жителей деревни Еган и всего хантыйского народа. Фантастический сон выглядит своего рода предсказанием судьбы этноса. Волки олицетворяют надвигающуюся цивилизацию, захватывающую земли Микуля. Автор выразил беды отдельного индивида, отражая настроение представителей этноса, символически обозначив будущее угасание хантыйского народа.

Особняком стоит отметить образ белки, присутствующий в романе. Образ белки раскрывает психологию молодого охотника, только ставшего на промысловую тропу. Сюжет романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» повествует о судьбе молодого художника ханты. Отца юноши забрали, и

он бесследно пропал. Юноше пришлось встать на промысловую тропу и кормить семью: мать и четверых братьев и сестер. После четырех классов, юноша – будущий художник, взял ружье и стал охотником. «И первая белка. Первой белке дробинка попала в голову. Она свалилась на снег, обхватила головку скрюченными лапками и с тоскливо-жалобным криком, дергая задними лапками, закружилась против солнца. В воздухе висел ее предсмертный резкий крик. Передние лапки со скрюченными коготками судорожно хватали обе щеки, искали дробинку, застрявшую в плоти и причинявшую невыносимую боль. <...> Белка все кричала, стонала, плакала по-человечески. И он стоял над ней и тоже плакал. Плакал беззвучно. А ночью приснилась умирающая белка. Вернее, белка, которая не хотела умирать» [6, 297]. Первая белка, долгие годы приходила к герою во сне. Охотник слышал ее крик, стон и плач. Движение белочки против часовой стрелки, против движения солнца, становится знаковым символом, олицетворяющим конец жизни. Жизнь в нижнем мире протекает против движения солнца, согласно мировоззрению народа. Поведение животного глубоко отпечаталось в памяти юноши и заставляло героя возвращаться к этому воспоминанию долгие годы. Изображенное автором поведение животного подобное человеку, выражает трагедию животного и восприятие трагедии героем-охотником. Беззвучные слезы жалости охотника раскрывают душевные переживания героя. Обстоятельства вынуждают охотника, добывать зверей и птиц ради семьи, оставшейся без главного кормильца. Роль добычлика для будущего художника, стала тяжелой ежедневной ношей: «Но еще три долгих года, падая от усталости, волоча опостылевшее ружье, предстояло бродить по борам и урманам» [6, 298]. В небольшой по объему эпизод автор умело вписал сон героя в канву повествования. Человеческое поведение белки, страдающий образ животного ярко и живо перевоплощается во сне молодого охотника в отца героя – Степана Мироновича: «А ночью приснилась умирающая белка. Вернее, белка, которая не хотела умирать. Сначала была белка, по-

том она стала вдруг отцом. Отец лежал на земле, обхватив руками голову руками, и что-то кричал. Быть может, стонал и о чем-то просил. Сквозь его пальцы сочилась кровь, и тело его судорожно дергалось. Он тоже не хотел умирать. Быть может, он звал на помощь. Но сыну что-то мешало, мучительно пытался сделать шаг и поднять отца – не мог» [6, 297]. Через сон герой осознает трагическую судьбу отца. Сон разымает неопределенность, царившую в сознании юноши, через образ белки герой ярко представляет последние минуты жизни родного отца. В данном сюжете образ животного выполняет несколько функций: раскрывает психологию охотника, ставшего на промысловую тропу; проливает свет на неизвестные биографические факты; отражает суровость и жестокость времени.

В небольшом сюжете о молодом охотнике автор сумел отразить жизненный путь будущего талантливого хантыйского художника. Охота для героя была способом выжить, дальнейшую судьбу он посвятил искусству. «После, спустя годы, когда он возьмется за кисть, попытается оживить, вдохнуть жизнь тем зверям и птицам, которых в горькие и суровые годы детства и отрочества настигла его пуля. Утешение небольшое, но, возможно, кто-то, взяв ружье, остановится на мгновение и задумается. Задумается о себе и об окружающем его пространстве, задумается о прошлом и будущем...» [6, 298].

Присутствие зооморфных образов, развитие анималистической традиции в прозе Е. Д. Айпина обусловлено мифологическим мировоззрением народа и авторской поэтикой. Хантыйская литература не насчитывает в своем развитии ста лет, вследствие чего связь с мифологией сохранила свое яркое присутствие в произведениях хантыйского прозаика. Мировосприятие народа ханты, проживающего в постоянном взаимодействии с природой, основано на обожествлении флоры и фауны. Представители фауны – медведь, волк и собака нашли воплощение в произведениях Е. Д. Айпина. Зооморфные образы и анималистические традиции, встречающиеся в произведениях хантыйского прозаика, свидетельствуют о глубокой неразрывной связи современно-

сти с древними традициями и верованиями, воплощенными в художественном слове. Роль и функция животных, введенных автором в ткань повествования, многозначна. Частично автор использует образы животных для более глубинного понимания образа главного героя.

Образ Медведя находит свое отражение в были «Паки, или Медведь-Брат», в рассказе «Медвежье горе». Автор изобразил три разных образа медведя, воплотивших разные чувства, свойственные человеку: любовь, злобу, горечь утраты. Образ Медвежонка Паки пронизан взаимной любовью человека и животного, взаимовыручкой и пониманием. Образ медведя-шатуна предостерегает человека от смертельной опасности, исходящей от зверя, которого не помнит Бог. Образ Матери-медведицы трагичен и олицетворяет неминуемое угасание этноса. Зооморфный образ медведя в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» выполняет функцию тотемного животного главного героя Демьяна. Фамилия начальника искателей усиливает веру Демьяна в родство героев и будущее взаимопонимание и благополучное соседство.

Образ собаки реализован в рассказе «Бездомная собака» и в романе «Божья Матерь в кровавых снегах». Образ собаки в рассказе «Бездомная собака» параллелен образу героя Демьяна, потерявшего кров из-за развивающейся цивилизации. В образе бездомного Демьяна автор отразил нелегкую судьбу рыбака и охотника, не потерявшего человеческого лица в мире постоянных лишений. Пес Пойтек воплощает лучшие черты редкой собаки, спасшей жизнь младенца.

Образ волка реализован в волчице в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» и в рассказе «Волки». Автор представил два полярных образа, волчицу – мать способную плакать, стонать, реветь. Противоположна ей стая из семи волков, которая не останавливается ни перед чем. Семеро волков подобны медведю-шатуну, не знают страха перед человеком. Здесь же впервые автор делает сравнение людей и волков в образе волкоподобных чудовищ.

Образы животных автор сопоставил и провел прямую параллель с человеком и всем этносом. Это создает этнический ко-

лорит художественного произведения и является неотъемлемой чертой авторского стиля Е. Д. Айпина.

Литература

1. Косинцева, Е. В. Анималистические традиции в прозе Е. Д. Айпина [Электронный ресурс] / Е. В. Косинцева // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Вып. 3, Т. 2. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/animalisticheskie-traditsii-v-proze-e-d-aypina> (дата обращения: 04.04.2016).
2. Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина : монография [Текст] / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 140 с.
3. Галай, К. Н. Зооморфные образы в произведениях И. Бунина (цикл «Темные аллеи») [Текст] / К. Н. Галай // Дискуссия: политематический журнал научных публикаций. – 2014 (май). – № 5 (46). – Режим доступа : <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1112> (дата обращения: 04.04.2016).
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. Кузнецов С.А. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
5. Айпин, Е. Д. Клятвopепреступник [Текст] / Е. Д. Айпин – М. : Русло, 1993. – 423 с.
6. Айпин, Е. Собрание сочинений : в 4-х т. [Текст] / Е. Д. Айпин // Ханты, или Звезда Утренней Зари. – Т. 2. – СПб. : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 383 с.
7. Айпин, Е. Собрание сочинений : в 4-х т. [Текст] / Е. Д. Айпин // Божья Матерь в кровавых снегах. – Т. 4. – СПб. : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 287 с.

References

1. Kosintseva E. V. *Animalisticheskie tradicii v proze E. D. Ajpina* [Animalistic traditions in the prose of E. D. Aipin]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/animalisticheskie-traditsii-v-proze-e-d-aypina> (accessed April 04, 2016).
2. Rogover E. S. *Nesterova S. N. Tvorchestvo Eremeya Ajpina: monografija* [The creativity of Eremey Aipin: Monograph]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2007. 140 p.
3. Galay K. N. *Zoomorfnye obrazy v proizvedenijah I. Bunina (cikl «Temnye allei»)* [Zoomorphic images in the works of I. Bunin (the series "Dark alleys")]. Diskussija: politematicheskij zhurnal nauchnyh publikacij №5 (46) maj 2014. (In Russ.) Available at: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1112> (accessed April 04, 2016).
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Was great tolkovyj dictionary of the Russian language] / SPb.: Norint Publ., 2001. 1536 p.
5. Aipin E. D. *Kljatvoprestupnik* [The Oathbreaker]. Moscow: Ruslo Publ., 1993. 423 p.
6. Aipin E. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. *E.D. Aipin: Hanty, ili Zvezda Utrennej Zari* [E. D. Aipin: The Khanty, or the Star of the Morning Dawn.]. Saint-Petersburg: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora» Publ., 2014. vol. 2. 383 p.
7. Aipin E. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. *E.D. Aipin: Bozh'ja Mater' v krovavyh snegah* [E. D. Aipin: "The Mother of God in the Bloody Snows"]. Saint-Petersburg: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora» Publ., 2014. vol. 4. 287 p.